

21.12.91

8

ВЕРНИСАЖ

Туркменская опера. — 1991 — 21 дек
— Ашхабад —

Сцены живая нить

Известный латышский сценограф И. Блумберг писал: «Спектакль состоит из суммы трех жертв». Имея в виду сумму талантов: режиссера, художника, актеров. Выставка туркменского театрального художника Бяшима Караджаева, которая открылась в дни республиканского фестиваля «Элемгошар» в ашхабадском Доме актера, показала, насколько велика и значительна роль его сценографии в постановках. А он оформил более 50 спектаклей на сцене разных театров республики.

ЭКСПОЗИЦИЯ произведений автора, в которую вошли эскизы к спектаклям, живопись и графика, позволяет прежде всего проследить развитие его театрального мышления, оценить своеобразие пластического и образного языка его сценографии. Декорация Б. Караджаева почти всегда «живая», дышит и развивается вместе с действием, происходящим на сцене. И вместе с ним воздействует на зрительское восприятие, заставляя думать, искать и находить все новые и новые ассоциации и образы.

Она понятна, интересна и человеку, впервые попавшему в театр, и знатоку сценического искусства, потому что всегда восходит от конкретного к абстрактному, от простого к сложному. Так, например, в спектакле «Айзада» А. Атаджанова — это забор из живых прутьев, за которым старая женщина прячет свою невестку — жену погибшего на войне сына, стараясь таким образом сохранить семью. Но по мере того, как развивается драма, зритель понимает, что она зря пытается отгородиться от мира, построив жизнь на воспоминаниях, отчаянно цепляясь за прошлое. В финале забор рушится, а вместе с ним рушатся и иллюзии матери остановить время и жизнь.

Также многозначна декорация к спектаклю «Дели Домрул» по народному эпосу «Горкут-ата». Она очень декоративная, яркая, узнаваемая. Поднимается занавес, и мы видим туркменскую юрту. Но вот зазвучали первые такты музыки, и

декорация ожила. Художник очень точно понял замысел режиссера — показать театр в театре. Его конструкция очерчивает пространство сцены, и перед нами арена, где разыгрывается игра. Но эта конструкция проста лишь на первый взгляд. Она развивается вместе с драматическим действием, которое предлагают актеры. И если вначале — это форта, где живут герои, то к финалу — ковер, а нити его становятся нитями судьбы, нитями жизни. Но ковер этот незавершен, как бесконечна и жизнь человека. Он сам ткет полотно своей судьбы.

Когда нет идеи, нет и формы. Этот принцип — главный в творческих поисках Б. Караджаева, и он помогает ему найти среди множества единственное образное решение. В спектакле «Бабагамбар» Х. Акыева и Б. Курбанова сцена такая же круглая, как и кошма арены в «Дели Домрул». Но здесь — округлость земного шара, которая выводит образный строй спектакля в иную плоскость. Бабагамбар — создатель первого туркменского дутара — слушает Вселенную, и тогда струны его инструмента рождают музыку, бесконечную и вечную, как Космос.

А декорация к спектаклю «Курбандурды» Б. Кербабаяева, раскрывающему тему войны, построена совершенно по другому принципу. Эмоциональный и пластический образ сцены создается через строгие графические линии. Сочетание белых стволов берез и черной обугленной земли создает напряженный ритм и наполняет пространство театральной среды глубоким драматическим дыханием, подчеркивая главную идею пьесы: в войне победителей не бывает, потому что она несет смерть.

О сценографии Б. Караджаева можно рассказывать много: она не иллюстративна и не построена на внешних эффектах и трюках; ее интересно «читать», находя в ней неожиданные образы и решения, она радует красотой цвета и выпуклостью предметных форм, она всегда за-

ставляет думать зрителя, избегая назидательности и высокомерия. Самое ценное в творчестве Б. Караджаева — то, что он самостоятелен, он «навязывает» нам свое художественное видение мира, свое осмысление драматургического и жизненного материала. А уж зритель вправе принять его или нет...

М. НОВАТОВА.

Фото Ал. ГУСЕИНОВА.

Караджаев Б.